

Источник изображения:
[shutterstock.com/Oleg Elkov](https://www.shutterstock.com/Oleg_Elkov)

Статус женщин в российском обществе

Виртуальная конференция Института Кеннана

21-23 июля 2020 года
Доклад по итогам конференции

*Составители: Нина Рожановская и
Виктория Пардини*

Введение

21-23 июля 2020 года Институт Кеннана собрал представительную группу исследователей и практиков из России, Европы и Северной Америки для участия в виртуальной конференции и обсуждения статуса женщин в российском обществе. В центре внимания находились шесть ключевых тем и связанные с ними современные процессы, вызовы и возможности. Эти темы: феминизм, права человека и активизм, женщины в политике и государственном управлении, женщины на рынке труда и рабочем месте, семья и материнство, проблема гендерного насилия и меры борьбы с ним.

В конференции приняли участие более 70 человек, 60% из них — россияне. Каждый из шести виртуальных круглых столов собрал от 35 до 45 участников. Каждая беседа начиналась с выступлений четырех докладчиков: одного западного эксперта и трех российских исследователей и практиков. За этой вступительной частью следовал обмен идеями, наблюдениями и вопросами. Такая структура позволила участникам представить свой личный опыт, обсудить разрыв между научными исследованиями и практикой, сравнить российские и американские научные подходы и установить новые контакты между теми, кто изучает женский опыт, и теми, кто занимается обсуждаемыми вопросами на низовом уровне. Правило Чатем-Хауса позволило вести откровенный разговор, а чат и отдельные комнаты в Zoom послужили площадкой для неформального общения.

В настоящем докладе кратко изложены содержание дискуссий и основные выводы трех дней конференции. В нем также намечено возможное продолжение беседы по этим важным темам в форме мероприятий и публикаций в Институте Кеннана и на других площадках. В связи с использованием Правила Чатем-Хауса в докладе не упоминаются имена выступающих и комментаторов.

Группа женщин держит плакаты в поддержку женского равенства, Москва, 8 марта 2019 г. Источник изображения: shutterstock.com /ccmakarov

КРУГЛЫЙ СТОЛ 1

Феминизм в России

Первый круглый стол был посвящен эволюции феминизма и феминистской повестки в России. С помощью исторического обзора была задан контекст для последующего обсуждения. Одна из докладчиц обозначила сходства и различия между тем, как феминизм развивался в XIX веке в России и на Западе, подчеркнув более ярко выраженные различия. В Российской империи женщины были лишены избирательного права, но избирательные права некоторых мужчин тоже были ограничены, при этом в отличие от многих западных обществ того времени в российском обществе женщины обладали имущественными правами. Тем не менее, не имея опыта коллективного действия и имея неполное представление о своих правах, многие женщины поддержали большевиков, которые пообещали им равенство и выполнили свое обещание.

История феминистского и женского движения в Советском Союзе — это интересная и сложная тема. Так получилось, что даты конференции Института Кеннана почти совпали с сорокалетней годовщиной важного события — высылки активисток советского диссидентского движения феминисток из СССР за публикацию самиздатовского альманаха «Женщина и Россия». Этот юбилей служит своевременным напоминанием о том, что российский феминизм не был импортирован с Запада в 1990-е годы, а имеет значительную более долгую историю.

В современной России существуют разные виды феминистского активизма, которые различаются типом организации и тем, как организации используют технологии

для достижения своих целей. Новейшие формы активизма более адаптивны и в полной мере используют потенциал социальных сетей, в то время как некоторые из давно созданных организаций постепенно исчезают вследствие произошедшего в стране консервативного поворота и утраты зарубежного финансирования. Развитие менее формальных феминистских организаций как минимум частично является результатом сужения общественного пространства для политического участия, но многие организации приняли на вооружение креативные способы привлечения финансирования и взаимодействия с аудиторией, которые помогли им заложить основу для культурных перемен и более широкого принятия феминистских идей обществом.

Выступая с публичными лекциями, направленными на развенчание стереотипов, активистки феминистского движения часто обнаруживают, что сами женщины склонны избегать слова «феминизм» и разговоров о дискриминации. Домашнее насилие переместилось в центр общественной повестки, но теперь феминистки сосредоточили свое внимание на этой проблеме в ущерб другим социальным вопросам. Среди других прозвучавших в ходе дискуссии критических замечаний можно отметить комментарий о заметной гетероцентричности дискурса, которая наблюдается в России, хотя ЛГБТ-сообщество сталкивается с похожими проблемами, связанными с насилием в отношениях. Кроме того, за пределами феминистской повестки остается борьба против принятого в 2013 году так называемого «закона о гей-пропаганде», который криминализирует «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних и таким образом фактически криминализирует публичное отстаивание прав представителей ЛГБТ в России. Несколько участников конференции высказались в пользу интерсекциональности, хотя одна участница позднее возразила, высказав мнение, что это размывает феминистскую повестку.

В ходе дискуссии участники круглого стола обсудили истоки феминизма в современной России, в том числе формы активизма, появившиеся после революции 1917 года, и проблемную роль советского государства, в котором женщины страдали не столько от отсутствия прав, сколько от невозможности этими правами воспользоваться. Участники также обсудили период постсоветской трансформации, когда российские женщины переосмыслили свои социальные роли и взяли на вооружение некоторые ранее недоступные варианты, такие как роль домохозяйки. Участники из университетской среды также отметили отсутствие *herstory*¹ и исключение гендерной истории из научного дискурса и посетовали на патриархальность российских науки и образования в целом. Отмечая существование стигмы, связанной с отстаиванием феминистских принципов и практик, и признавая фрагментированность феминистской повестки, они приветствовали новые формы активизма и тот интерес, который проявляет к данным темам новое поколение студентов.

1 Неологизм, означающий «ее история» и употребляющийся в противовес *history* как *his story*, то есть мужской истории.

Женщина участвует в протесте в Санкт-Петербурге в поддержку губернатора Хабаровского края Сергея Фургала. Источник изображения: shutterstock.com/ Konstantin Lenkov

КРУГЛЫЙ СТОЛ 2

Женщины в правозащитной деятельности и активизме

В ходе этого круглого стола обсуждался широкий круг вопросов: от различных форм российского правозащитного активизма с участием женщин до роли гендера в вооруженных конфликтах и миротворческом процессе.

Опираясь на свой обширный практический опыт, одна из докладчиц сделала вывод о том, что правозащитная деятельность, к сожалению, остается небезопасным занятием в некоторых регионах России, в особенности в Чечне. Тем не менее она призвала активистов не прекращать работу, особенно там, где российские власти равнодушны к страданиям местных жителей. Она привела примеры, которые развенчивают стереотипы о том, что женщины всегда выступают в роли союзников других женщин и правозащитников и что мужчины всегда являются авторами насилия. Напротив, по ее словам, она сталкивалась с ситуациями, когда матери были готовы следовать религиозным нормам или общественным ожиданиям в ущерб благополучию своих дочерей, в то время как отцы и братья были готовы пойти наперекор давлению семьи и местного сообщества, чтобы защитить своих дочерей и сестер. Возможно, в России у гражданского общества «женское лицо», а у властей «мужское лицо», но защита женщин – это общее дело, а обеспечение «численного» гендерного равенства не решает автоматически проблему нарушения прав человека.

Другой «горячей точкой» с точки зрения прав человека является российская пенитенциарная система. Неудивительно, что тюремный опыт, собственный или кого-то из близких, часто подталкивает женщин к активизму. Можно представить себе ситуацию, когда живущий в России человек сталкивается с социальной несправедливостью, но российские органы власти — федеральные, региональные или местные — не делают ничего, чтобы исправить положение. Понимание того, что реформы нет, потому что нет политической воли, превращает переживания из-за повседневных трудностей, таких как бедность или несправедливость, в мотивацию для гражданского активизма, который, в свою очередь, часто трансформируется в политический активизм. При этом тюремный опыт может быть мощным катализатором такой трансформации.

Связывая две первые дискуссии между собой, одна из докладчиц, гендерная исследовательница, выделила три основные стратегии женского активизма в России, начиная с 1990-х годов: гендерно-нейтральный активизм, который не рассматривает права женщин как категорию, отдельную от прав человека; феминистский активизм, который рассматривает права женщин отдельно; деятельность социально ориентированных организаций, которые не связывают свою миссию с феминизмом, но концентрируются на помощи именно женщинам. Любопытно, что в последние двадцать лет наблюдаются две противоположные тенденции: с одной стороны, сближение трех форм активизма и движение к большей гендерной чувствительности, а с другой стороны, усилия по демократизации и защите гражданских прав с опорой на представление о феминистской повестке как их составной части.

Гендерные роли меняются в ходе частного и публичного насилия. И война, и мир являются гендерными процессами, и это нужно учитывать в разрешении конфликтов и миротворчестве. Одна из докладчиц изложила суть подхода, предложенного американским Институтом мира, который применяет три призывы к разным конфликтным ситуациям, включая российские: женщины в вопросах мира и безопасности (привлечение женщин к обсуждению вопросов безопасности и миротворчества), мирная мужественность (трансформация мировоззрения и усвоение новых норм и моделей поведения) и пересекающиеся идентичности (уход от бинарных представлений).

Оглядываясь на постсоветский опыт активизма, участники круглого стола призвали к солидарности российских женщин и к солидарности российских организаций гражданского общества, которая выходила бы за границы женского или феминистского движения. Ориентация российского политического режима на принуждение в сочетании с действиями консервативных (антигендерных) сил создает контекст, в котором такая солидарность является жизненно необходимой.

КРУГЛЫЙ СТОЛ 3

Женщины в политике и государственном управлении

Этот круглый стол выявил концептуальное расхождение между практиками и исследователями, то есть в данном случае между политиками и политическими консультантами, с одной стороны, и теми, кто их изучает, с другой.

Одна из докладчиц представила исследование, в котором анализируется представительство женщин в российских органах власти разных уровней. Она описала количественные вариации между разными регионами и муниципалитетами и указала на положительный эффект смешанной избирательной системы, при которой места заполняются и на основе партийных списков, и через одномандатные округа. Она также прокомментировала качественную часть исследования, которая опиралась на двадцать пять интервью и выявила постфеминистское сочетание автономии и эксплуатации патриархии. Речь идет о выработке индивидуализированных стратегий достижения благополучия, а также о том, что женщины, занимающие государственные должности, считают более выгодным для себя использовать существующую систему, а не проявлять солидарность с женской повесткой.

И активистам, и должностным лицам нередко бывает проще обсуждать поддающиеся количественному выражению концепции, такие как квоты и разрыв в оплате труда, в то время как есть много менее осязаемых социальных проблем, требующих решения. Сломанные механизмы социальной поддержки, бремя ухода, которое ложится

преимущественно на женщин, чрезмерный общественный контроль за материнством и снижение благосостояния женщин вследствие рождения детей – все эти проблемы несут в себе большую эмоциональную нагрузку. Одна из докладчиц отметила, что в каком-то смысле женщины всё еще «ждут своего Навального», своего рода женскую его версию, которая сформулировала бы все требования и консолидировала критическую массу.

Другая докладчица, женщина-политик, не согласившись с исследовательским взглядом на ситуацию, отметила, что ученые концентрируются на чисто декоративных («сделанных из папье-маше») органах принятия решений и что слишком формальный подход к изучению политики упускает из виду реальную динамику. Значительная часть российской политики и экономики является неформальной, и важные решения зачастую принимаются за пределами формальных институтов, в пространствах, которые исключают женщин: например, в мужских туалетах и саунах, на охоте и рыбалке.

Женщины необязательно участвуют в политике именно ради продвижения феминистской повестки. Социальные вопросы дают некоторым из них достаточно мотивации для выдвижения своих кандидатур. При этом мужчины необязательно создают искусственные препятствия на пути женщин, но низовая политика полна вызовов: от поиска финансирования до сбора подписей. В российских муниципальных советах высок процент женщин, но для достижения этого результата не потребовались квоты. Достаточно было того, что эта работа не слишком привлекательна для мужчин. Как это ни парадоксально, иногда в российской «реальной политике» женщиной быть менее опасно, чем мужчиной. Например, у женщины-оппозиционера меньше шансов оказаться под арестом, поскольку законодательство запрещает административный арест беременных женщин и женщин, у которых есть дети младше четырнадцати лет.

Постсоветский сдвиг во взглядах стал реакцией на советское представление о равенстве, а сегодняшняя тенденция — ответ на то, что воспринимается как западная модель. В настоящее время все основные политические партии демонстрируют разные версии консерватизма, а женщины в России — сознательно или неосознанно — держатся подальше от феминистских тем, чтобы избежать насмешек. Проблема российской политической системы — это не только проблема недостаточного гендерного представительства, это и проблема возрастного дисбаланса. Таким образом, России нужны «концентрические круги» женщин и молодых людей обоого пола, которые выдвигали бы свои кандидатуры и формировали новую политическую культуру. И ей также нужны феминистки в качестве союзников в продвижении повестки социальных изменений.

Источник изображения: shutterstock.com /kimov Igor

КРУГЛЫЙ СТОЛ 4

Женщины на рынке труда и рабочем месте

Советский Союз был пионером в деле интеграции женщин на рынке труда, но советское государство не давало женщинам оспаривать два элемента гендерного подчинения²: распределительное неравенство (гендерное разделение труда) и связанное с ним статусное неравенство (обесценивание работы, которую воспринимают как «женскую»). Ключевой урок советского опыта заключается в том, что для продвижения равенства занятость нужно сочетать с гендерной осознанностью.

В современной России женская занятость остается высокой, но наблюдаются сильная горизонтальная сегрегация, при которой мужчины и женщины сконцентрированы в разных профессиях и отраслях (например, в строительстве и уходе за детьми, соответственно), и сильная вертикальная сегрегация, при которой женские возможности карьерного роста внутри организаций или секторов ограничены, что приводит к разрыву в оплате труда. В России также существует список профессий, которые законодательно запрещены для женщин, поскольку считаются опасными или тяжелыми. В список входят, например, некоторые виды работы в химической промышленности, горнодобывающей отрасли и судостроении. Важно отметить, что семейные роли мужчин вознаграждаются дома и в обществе, а женские фактически наказываются посредством двойной нагрузки (дома и на работе), а также дискриминации при трудоустройстве и ограничения карьерных перспектив. Тенденция к ретрадиционализации и ремаскулинизации сказывается на возможностях женщин

2

По определению доктора Нэнси Фрейзер (2007).

в сфере занятости, но при этом опросы общественного мнения дают основания для осторожного оптимизма, указывая на то, что российское общество не поддерживает полный возврат к традиционализму на рынке труда.

Новые формы трудовой депривации связаны не с безработицей и бедностью, а с отсутствием жизненных и карьерных перспектив. Миллионы мужчин и женщин в России имеют precariousную работу с нестандартным трудовым договором. Многие ценят такие договоры за сопутствующую им автономию, но в случае женщин precariousная занятость часто является результатом их бремени по уходу за близкими и следствием того факта, что наличие детей делает их нежеланными сотрудниками.

У российских науки и образования своя интересная динамика. Доля женщин среди научных кадров увеличилась в постсоветское время вследствие «утечки мужских мозгов», но сейчас снова снижается. Кроме того, растет гендерный разрыв в разных научных отраслях и наблюдается недостаточное представительство женщин, начиная с аспирантского уровня и выше. Эту ситуацию часто называют феноменом «протекающей трубы», чтобы подчеркнуть нарастающее исчезновение женщин из научно-образовательной сферы с каждой ступенью карьерной лестницы, особенно в точных науках. Эти тенденции отражаются на благосостоянии и будущем женщин-исследователей и женщин-преподавателей, но гендерный дисбаланс также негативно сказывается и на самой науке, в то время как гендерное разнообразие стимулирует инновации. Международный опыт предлагает целый ряд способов улучшить гендерное представительство в российской науке: от слепого рецензирования до продления грантовых сроков на период отпуска по уходу за ребенком.

Гендерный дисбаланс не сводится к оплате труда и карьерным перспективам. Как отметила одна из докладчиц, мужская оптика доминирует в российской экспертной сфере и предлагает искаженное видение реальности, в котором «всеобщее благо» часто подразумевает патриархальные ценности. В то же время достижения женщин не представлены в общественном пространстве и многие женщины-профессионалы находятся в постоянном поиске легитимации и попытках привлечь внимание. Таким образом, важно «деколонизировать» дискурс и создавать платформы, такие как проект SH.E (She is an expert) Фонда имени Генриха Бёлля в России, чтобы помочь достичь подлинного гендерного равенства, которое не сводится к политкорректности, а связано с качеством работы и уровнем экспертного знания, а также с должным вниманием к этому знанию.

В России восприятие неравенства как нормы распространено настолько широко, что женщины на рынке труда могут даже не замечать дискриминации. Те, кто ее замечают и отказываются играть предначертанные роли, часто платят за это высокую цену, сталкиваясь с дополнительным давлением на работе, поскольку коллеги-мужчины начинают воспринимать их как плохих командных игроков и возмутителей спокойствия. При этом международный опыт показывает, что солидарность женщин, находящихся на руководящих позициях, и тех, кто находится на ступенях ниже, помогает предотвратить дискриминацию и домогательства и в научно-образовательной среде, и в других секторах.

Источник изображения: [shutterstock.com/Oleg_Etkov](https://www.shutterstock.com/Oleg_Etkov)

КРУГЛЫЙ СТОЛ 5

Семья, репродуктивные права и материнское здоровье

Данная дискуссия проходила на фоне символического юбилея: в 2020 году исполнилось сто лет с тех пор, как Советский Союз стал первой страной, узаконившей аборт. Это было сделано, чтобы продемонстрировать социалистическое равенство и дать женщинам возможность влиться в трудовые ресурсы страны. В 1936 году снова был введен запрет на аборт, но в 1955 году произошла их повторная декриминализация – на этот раз для предотвращения смерти женщин от подпольных абортов, а не во имя женской автономии. В течение долгого времени аборт оставались главной формой контрацепции для советских женщин и в результате стали символизировать отсутствие выбора, поэтому в ранней постсоветской риторике лозунг «Против абортов» на самом деле означал «Против рутинных абортов», поскольку активисты продвигали контрацепцию и поддерживали планирование семьи.

Тема воспроизводства населения стала центральной в период политического возрождения постсоциалистических стран, и агрессивные столкновения по вопросу о законности абортов отражают культурные тревоги последних тридцати лет. Как и в других странах, в России политические деятели рассматривают внимание к рождаемости как способ выразить свою обеспокоенность будущим нации и продемонстрировать заботу о чем-то, помимо своих сиюминутных интересов, но их

внимание сосредоточено на «здоровье матери и ребенка», в то время как реальные репродуктивные права не охвачены государственным дискурсом и недостаточно хорошо представлены в российском феминистском дискурсе.

Советская и постсоветская Россия столкнулась с огромными демографическими потерями, так что неудивительно, что в 1990-е годы общество испытало моральную панику в ответ на появление так называемого «русского креста» — демографической тенденции, получившей такое название из-за того, что снижающаяся рождаемость и растущая смертность образуют на графике две скрещенные линии. Руководство страны связывает демографическую ситуацию с геополитической мощью, а националисты тревожатся о вымирании этнических русских, так что руководители церкви и государства объединили свои усилия для противодействия тому, что они воспринимают как навязанные Западом и чуждые России идеи феминизма и идеологии чайлдфри.

В 1990-е годы эксперты и активисты достигли успеха в совершенствовании здравоохранения, обучении врачей и просвещении общественности. Им удалось снизить рискованное сексуальное поведение, улучшить медицинскую помощь для женщин и обеспечить 30-процентное снижение абортов в пользу контрацепции. Ситуация изменилась, когда в России произошел консервативный поворот, закончилось финансирование НКО и был принят ряд законодательных и административных мер для сокращения репродуктивного выбора. На сегодняшний день российские женщины сталкиваются с давлением «традиционных ценностей» и целым спектром других проблем: от медицинских рисков (повышение материнской и перинатальной смертности в отдаленных регионах, расширенное применение кесарева сечения, сокращение доступа к медицинским абортам) до правозащитных проблем (нарушение прав беременных женщин в местах лишения свободы) и бедности (огромные долги по алиментам и недостаточная государственная поддержка матерей-одиночек).

В ходе обсуждения институтов становятся заметны вариации в гендерной чувствительности в зависимости от возраста, классовой принадлежности и национальности. Люди, которые находятся в более привилегированном социальном и экономическом положении или живут в географических центрах, склонны быть менее чувствительны к растущему гендерному неравенству, поскольку оно находится за пределами их поля зрения, и могут не замечать ситуаций, когда формально права существуют, но ими трудно воспользоваться, даже если это происходит в их собственной стране. Как показывают беседы с российскими и иностранными студентами, некоторые из них понимают, что право на индивидуальный выбор не компенсирует неравенства возможностей, осознают несправедливый потенциал, заложенный в семье как экономической единице, и видят личный опыт как источник эмансипаторных альтернатив.

DOMESTIC VIOLENCE

КРУГЛЫЙ СТОЛ 6

Источник изображения: [shutterstock.com/ bangoland](https://www.shutterstock.com/bangoland)

Гендерное насилие и государственные меры борьбы с ним

Гендерное насилие — это слишком широкая тема, чтобы ее можно было всесторонне рассмотреть в рамках одного круглого стола, поэтому участники сосредоточились лишь на нескольких аспектах. Они подчеркнули, что необходимо сочетать международное освещение проблемы и давление на российских законодателей со взаимной поддержкой активистов в разных российских регионах, а также отметили, что активистам нужно представлять «монолитную» позицию в публичном пространстве и транслировать альтернативный посыл в противовес образу «идеальной женщины» и консервативной риторике российских СМИ.

В разных регионах России существует много центров, предлагающих помощь жертвам гендерного насилия, и есть проекты, такие как Nasiliu.net, которые сосредоточены на просвещении общественности и распространении информации с целью предотвращения насилия. Реальный масштаб проблемы по-прежнему неясен, поскольку, по словам активистов, надежная статистика отсутствует, данные о домашнем насилии занижены, а Уголовный кодекс предлагает слишком узкое определение.

Предпринималось много попыток принять закон о домашнем насилии, воспользовавшись структурной возможностью, такой как выборы или более общая реформа, и в то же время в полной мере использовав ресурс неформальной политики. В 2013 году такая структурная возможность представилась, но

вскоре после этого произошли консервативный откат и ухудшение отношений России с Западом, что повлияло на дискурс о семье и ценностях и привело к декриминализации домашнего насилия. Спустя некоторое время несколько нашумевших дел о домашнем насилии снова привлекли внимание к законопроекту, и его сторонники выражают надежду на то, что закон все-таки будет принят новым составом российского парламента, сформированным в 2021 году.

Домашнее насилие остается распространенной проблемой по всей стране, но в регионах Северного Кавказа сложилась особенно тревожная ситуация с точки зрения отдельных видов гендерного насилия. Например, согласно проведенным исследованиям, в Дагестане и Ингушетии сотни девочек подвергаются калечащим операциям на женских половых органах, но правоохранительные органы неохотно расследуют эти дела, а исследование убийств чести в Чечне, Дагестане и Ингушетии и анализ вердиктов показали, что вина зачастую возлагается на жертв и суды используют «смягчающие обстоятельства» для обоснования минимальных приговоров.

У Московского офиса Фонда имени Генриха Бёлля есть специальная программа в России, ориентированная на авторов насилия. В рамках этой программы изучается потенциал ненасильственной коммуникации, обсуждается цена патриархата и токсичной маскулинности для самих мужчин и идет поиск способов, которые помогли бы мужчинам стать проводниками культурных перемен на Северном Кавказе. В целом существует довольно мало таких программ, ориентированных на мужчин. При этом, несмотря на их обычно небольшой масштаб, не стоит недооценивать их опосредованное влияние на ситуацию.

В России есть больше 150 кризисных центров, но лишь некоторые по-настоящему активны и широко известны. Женская мизогиния, виктимблейминг, дефицит солидарности между активистскими и феминистскими сообществами и внутри этих сообществ — всё это ведет к разобщенности. Однако обусловленные коронавирусом карантинные меры, усугубив проблему домашнего насилия, также подтолкнули российских активистов к совместным усилиям и объединению скудных ресурсов. Давление со стороны консервативных сил и угрозы, с которыми сталкиваются активисты, особенно на Северном Кавказе, также требуют большей солидарности, в том числе солидарности между правозащитниками и феминистскими активистами.

*Женский барельеф на фасаде дома Николаевых в Санкт-Петербурге.
Источник изображения: shutterstock.com/Zabotnova Inna*

Основные выводы конференции

В рамках шести круглых столов обсуждались сложные и очень разные вопросы, но несколько ключевых тем неоднократно прозвучали в ходе всей конференции.

Участники обратили внимание на то, как важно вовлекать и исследователей, и практиков в общий разговор о проблемах женщин в России и мире. Нередко практики из разных сфер критикуют ученых за отрыв от реальности, а в случае России независимые политические деятели поднимают вопрос о неформальной политике, в которой решения принимаются за пределами предназначенных для этого институтов, поскольку данный феномен может ускользать от взгляда исследователей. В данном случае сокращение разрыва между наукой и практикой означало бы, что исследователи уделят больше внимания нестандартным чертам российской политической системы, а политики позаимствуют некоторые из научных подходов и терминов, чтобы лучше понимать и описывать реальность, в которой живут и работают.

Вовлекая в разговор и исследователей, и практиков, важно также создавать возможности для встреч разных поколений феминисток и активисток. На различных этапах советской и постсоветской истории были свои заметные феминистские группы и видные активистки феминистского движения, и сегодняшние ученые и активисты — это не первое поколение, изучающее и продвигающее идеи феминизма в России, но возникает ощущение, что новое поколение активистов не всегда хорошо знакомо с успехами и вызовами прошлого. Этот пробел в знаниях можно частично объяснить тем фактом, что многие постсоветские центры гендерных исследований не пережили российского консервативного поворота. Советский и постсоветский опыт требует

анализа, и есть явная потребность переосмыслить российскую историю и вспомнить первые феминистские организации и тех людей, которые заложили фундамент для работы сегодняшних ученых и активистов.

Межпоколенческий диалог «ветеранов» российского женского движения и новых мыслителей и деятелей может и должен дополняться международным диалогом российских, европейских и американских исследователей и практиков. Несмотря на различия между двумя обществами и политическими системами, Россия и США подчас сталкиваются с одними и теми же вызовами в том, что касается женской повестки, и могли бы учиться на опыте друг друга.

В российском случае также чрезвычайно важно не ограничиваться Москвой и Санкт-Петербургом, а обращаться к широкому спектру региональных контекстов и смотреть на ситуацию с точки зрения разных регионов. В конференции Института Кеннана приняли участие российские эксперты и активисты из Иванова, Махачкалы, Нижнего Новгорода, Самары, Смоленска, Томска и Твери, но более широкий географический охват сделал бы этот разговор более представительным. Более того, как отметила одна участница, было бы полезно опереться на опыт исследований Холокоста и дополнить картину голосами непосредственных участников и очевидцев обсуждаемых ситуаций – например, клиенток кризисных центров или бывших женщин-заключенных, которые стали активистками.

Нельзя сформировать всеобъемлющее представление о проблемах женщин, не поместив эти проблемы в соответствующий национальный и исторический контекст. В российском случае это значит обратиться к опыту дореволюционной России, при этом понимая советскую специфику и постсоветскую трансформацию, а также сложный этнический и конфессиональный состав современного российского общества и особенности сегодняшней политической системы и режима. Эволюция российского феминизма в течение последних тридцати лет и трансформация феминизма в «нон-феминизм» и постфеминизм так же интересны, как и более глубокие исторические корни современной повестки.

Многие из озвученных на конференции проблем имеют системный характер и выходят за рамки женской повестки, их решение требует культурного сдвига и политической трансформации. Российский консервативный поворот смещает внимание с экономического кризиса и растущего неравенства к статусным тревогам и отрицательно сказывается и на традиционной, и на интерсекциональной феминистских повестках. Некоторые феминистские и женские организации, которые раньше воспринимались как нормальная часть гражданского общества, сейчас отвергаются широкой общественностью. И хотя нельзя сводить борьбу за права женщин к борьбе против конкретной политики и законодательных инициатив государства, Россия представляет собой интересный случай, на примере которого можно изучать мотивацию и стратегии активизма и социальные изменения в авторитарном контексте.

Учитывая широкий спектр обсуждаемых тем и интерес участников к работе друг друга, есть явная потребность продолжать разговор и подробно обсуждать отдельные вопросы в более узком кругу в ходе встреч в Интернете и реальной жизни. Одна из идей, озвученных при подведении итогов, заключалась в том, чтобы создать закрытое онлайн-пространство, внутри которого эта группа исследовательниц, активисток и практиков могла бы поддерживать постоянную связь, обмениваться информацией и обсуждать возможные совместные проекты.

Другой идеей, которую озвучили и коротко обсудили участники, была идея книги об истории советского и российского женского движения. Исходя из выводов конференции, в рамках такого проекта следует представить исторический обзор, осмыслить опыт первых советских феминисток, которых не принимали даже другие диссиденты, найти то, что осталось от архивов и библиотек феминистских организаций и центров гендерных исследований, и взять интервью у еще живых мыслительниц и активисток позднесоветского и раннего постсоветского периода, которые подготовили почву для сегодняшней работы. В число авторов такой книги должны войти и молодые исследовательницы и активистки, что позволит преодолеть поколенческий разрыв и обеспечить преемственность российского женского движения.

Из-за временных ограничений участникам пришлось в ходе дискуссий обойти вниманием целый ряд проблем, существующих внутри самого феминизма и активизма, но удалось коснуться сложных отношений между ними. Не секрет, что, несмотря на недавний всплеск интереса к феминизму, само это слово имеет отрицательные коннотации в России. Активистки часто сами избегают этого ярлыка, даже если их практическая работа отражает идеи феминизма. Тем не менее, как подчеркнули многие участники конференции, ключ к успеху — в солидарности, включая солидарность поверх гендерных и идеологических границ. Можно утверждать, что пришло время активисткам принять феминизм, мужчинам — стать подлинными союзниками в борьбе за права женщин, а феминисткам — присоединиться к борьбе за более широкие социальные перемены.

The Wilson Center

 wilsoncenter.org
 facebook.com/WoodrowWilsonCenter
 [@TheWilsonCenter](https://twitter.com/TheWilsonCenter)
 202.691.4000

The Kennan Institute

 wilsoncenter.org/kennan
 kennan@wilsoncenter.org
 facebook.com/Kennan.Institute
 [@kennaninstitute](https://twitter.com/kennaninstitute)
 202.691.4100